

доказано

7

Время диктует людям свои законы.

*Младшие наследуют старшим.
Так бывает в семье. Так происходит
и в обществе. Смена поколений
включает в себя совместную работу
людей разного возраста, работу
рука об руку, плечом к плечу.*

*Для каждого поколения приходит такое
время, когда оно выдвигается
на ключевые позиции в жизни общества.*

Наступает такая пора и для вас.

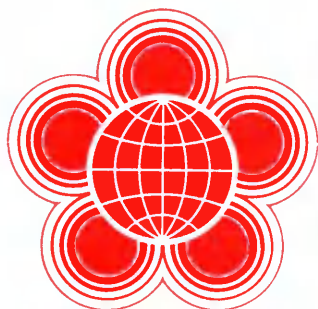
*Старшие товарищи верят в вас,
они ждут от вас
новых героических дел,
новых трудовых побед.*

*Интернационализм вошел
в плоть и кровь советской молодежи
вместе с Октябрьской революцией.*

*В героических свершениях
юных поколений Страны Советов
воплощены не только беспредельная
любовь к своей Родине,
но и высокое чувство ответственности
за дело международного
рабочего класса, за идеалы свободы
и социальной справедливости
во всем мире.*

Л. И. БРЕЖНЕВ

Из речи на XVI съезде ВЛКСМ

К X Всемирному фестивалю
молодежи и студентов в Берлине
«Кругозор» публикует материалы
на второй, третьей, четвертой,
восьмой и десятой
звуковых страницах.

..Со съездом переконспирировали. Бельгийская партия придумала для ради конспирации устроить съезд в громадном мучном складе. Своим вторжением мы поразили не только крыс, но и полисьменов. Заговорили о русских революционерах, собирающихся на какие-то тайные совещания.

На съезде было 43 делегата с решающим голосом и 14 — с совещательным. Если сравнить этот съезд с теперешними, где представлены в лице многочисленных делегатов сотни тысяч членов партии, он кажется маленьким, но тогда он казался большим: на I съезде 1898 г. было всего ведь 9 человек... Чувствовалось, что за пять лет порядочно ушли вперед. Главное, организации, от которых приехали делегаты, не были уже полумифическими, они были уже оформлены, они были связаны с начинавшим широко развертываться рабочим движением. Как мечтал об этом съезде Владимир Ильич! всю жизнь — до самого конца — он придавал партийным съездам исключи-

тельно большое значение; он считал, что партийный съезд — это высшая инстанция, на съезде должно быть отброшено все личное, ничто не должно быть затушевано, все сказано открыто. К партийным съездам Ильич всегда особенно тщательно готовился, особенно заботливо обдумывал к ним свои речи. Теперешняя молодежь, которая не знает, что значит годами ждать возможности обсудить сообще, со всей партией в целом, самые основные вопросы партийной программы и тактики, которая не представляет себе, с какими трудностями связан был созыв нелегального съезда в те времена, — вряд ли поймет до конца это отношение Ильича к партийным съездам...

По существу дела II съезд был учредительным. На нем ставились коренные вопросы теории, закладывался фундамент партийной идеологии. На I съезде были приняты только название партии и манифест о ее образовании. Вплоть до II съезда программы у партии не было. Редакция «Искры» эту программу подгото-

**ГОЛОСА
НАШЕЙ
БИОГРАФИИ**

Выдающаяся заслуга в идейной и организационной подготовке пролетарской партии принадлежала созданной и руководимой Лениным газете «Искра». На первой звуковой странице — воспоминания ветерана партии П. И. Кулябко о периоде «Искры» и II съезда РСДРП.

вила... Когда в Женеву стали съезжаться делегаты, больше всего, детальнее всего с ними обсуждался вопрос о программе. На съезде этот вопрос прошел наиболее гладко.

Другой вопрос громадной важности, обсуждавшийся на II съезде, был вопрос о Бунде. На I съезде было постановлено, что Бунд составляет часть партии, хотя и автономную. В течение пяти лет, которые прошли со времени I съезда, партии как единого целого, в сущности, не было, и Бунд вел обособленное существование. Теперь Бунд хотел закрепить эту обособленность, установив с РСДРП лишь федеративные отношения... Редакция «Искры» стояла за интернациональное сплочение рабочего класса. Бунд — за национальную обособленность и лишь за дружественные договорные отношения между национальными рабочими партиями России.

Вопрос о Бунде... также решен был в духе «Искры» громадным большинством...

Тем временем пришлось перебираться в Лондон. Брюссельская полиция стала придираться к делегатам и выслала Землячку и еще кого-то. Тогда снялись все...

...Пока подрабатывался в комиссии вопрос о программе, перешли к четвертому пункту порядка дня, к вопросу об утверждении центрального органа. Таковым — при возражениях со стороны рабочедельцев — единодушно признана была «Искра». Это было десятое заседание, а их было 37. Над съездом начинали понемногу скопиться тучи. Предстоял выбор тройки в ЦК... Чем ближе подходили выборы, тем напряженнее становилась атмосфера. Обвинения, бросавшиеся Бундом и «Рабочим делом», в желании командовать, диктовать свою волю из заграничного центра и пр., хотя и встречали дружный отпор вначале, делали свое дело, влияя на центр, на колеблющихся, — может быть, даже помимо их сознания. Боялись командования, чьего? Конечно, не Мартова, Засулич, Старавера и Аксельрода. Боялись командования Ленина и Плеханова. Но знали, что вопрос о составе и русской работе будет определять

Ленин, а не Плеханов, стоявший в стороне от практической работы...

В такой атмосфере споры о § 1 устава приняли особо острый характер. Ленин и Мартов политически и организационно разошлись по вопросу о § 1 партийного устава. Они нередко расходились и раньше, но раньше эти расхождения происходили в рамках тесного кружка и быстро изживались; теперь разногласия выступили на съезде, и все те, кто имел зуб против «Искры», против Плеханова и Ленина, постарались раздуть расхождение в крупный принципиальный вопрос. На Ленина стали нападать за статью «С чего начать?», за книжку «Что делать?», изображать честолюбцем и пр. Владимир Ильич выступал на съезде резко. В своей брошюре «Шаг вперед, два шага назад» он писал: «Не могу не вспомнить по этому поводу одного разговора моего на съезде с кем-то из делегатов «центра». «Какая тяжелая атмосфера царит у нас на съезде!» — жаловался он мне. — «Эта ожесточенная борьба, эта агитация друг

против друга, эта резкая полемика, это нетоварищеское отношение!» «Какая прекрасная вещь — наш съезд!» — отвечал я ему. — «Открытая, свободная борьба. Мнения высказаны. Оттенки обрисовались. Группы наметились. Руки подняты. Решение принято. Этап пройден. Вперед!» — вот это я понимаю. Это — жизнь. Это — не то, что бесконечные, нудные интеллигентские словопроения, которые кончатся не потому, что люди решили вопрос, а просто потому, что устали говорить...»

Товарищ из «центра» смотрел на меня недоумевающими глазами и пожимал плечами. Мы говорили на разных языках». В этой цитате весь Ильич...

Н. К. КРУПСКАЯ

Из воспоминаний

В. И. Ленин среди членов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», ставшего зачатком революционной пролетарской партии в России. Фото 1897 г.

В. И. Ленин на II съезде РСДРП (1903 г.). С картины Ю. Виноградова.

ВТОРОЙ СЪЕЗД

ПЯТИЛЕТКА: ГОДЫ И МИНУТЫ

Поставьте на диск проигрывателя вторую звуковую страницу. Вслушайтесь в негромкий голос Станислава Третьяка — молодого кубанского хлебороба. Он говорит о земле, о хлебе, о своих товарищах. Может, кому и покажется: мол, парень дальше своего поля ничего не видит. Так ли это? Вдумайтесь в его слова: «Там смотришь — не вспахано. Думаешь, да скорей бы кто-нибудь вспахал, чтобы земля черная была, чтобы больше влаги взяла...» Не абстрактное понятие для этого человека земля, а более емкое: земля, вбирающая влагу, земля, родящая хлеб...

И еще. Уверенные слова: «Руки есть, значит, можно сказать, что мы уже прокормились...» Какое ощущение силы за этим, вера в человеческие руки! Так, на мой взгляд, может рассуждать человек, не временный на земле, а — хозяин.

В этом несколько необычном взгляде на мир — через землю, через обдутое степными ветрами хлебное поле — богатство его чувств, широта души. Каждый, кто по-настоящему предан делу жизни, смотрит на окружающий мир с нравственных высот своей профессии. Для Станислава Третьяка смысл жизни в хлебе в широком понимании этого слова...

Так думают и его товарищи по работе. О ребятах из Пластуновской я был уже слышан. И в Краснодаре говорили о комсомольско-молодежном звене Николая Буглова и в райцентре Динской. А кто-то заметил: «Танкисты! Ни огня, ни воды не боятся».

Сравнение с танкистами оказалось метким. В ребятах чувствовался напор, хватка. Хватка не в смысле хватистости, когда норовят взять побольше, а в своем изначальном значении: жить по-настоящему. Если работать — так «раздуйся, плечо!», а веселиться — так чтоб

всем был праздник. Словом, парни настоящие.

У Третьяка светлые, живые глаза. Да и сам он с искоркой: словцо где нужно вставит, с людьми общий язык быстро находит. Но уже в первую нашу встречу Третьяк искренне мне посочувствовал: мол, о нем писать трудно, в жизни его никаких крутых поворотов не было.

Сельский кинемеханик Слава Антипов, парень вообще застенчивый, о Третьяке говорил убежденно: «Все у него ладится. Дома — порядок. И в поле — любо посмотреть».

«Третьяк — наш актив, — поддержал разговор Владимир Дельфинов, секретарь комсомольского комитета колхоза. — Рекомендуем его в партию. Коммунист из Славы настоящий получится... Правда, у них в звене все такие, один от другого не отстанет».

Всего-то полстранички занимает биография Станислава. Все в ней, пожалуй, как у других станичных хлопцев: школа, служба в армии, женитьба, курсы механизаторов и работа в колхозе, на хлебном поле...

Будни земледельца кажутся неспешными.

В круговороте сельских забот нелегко сохранить способность удивляться. А Станислав с каким-то детским восторгом рассказывал мне о том, как пахнет весной земля, как плывут розовые лепестки черешни в синем апрельском воздухе...

Валентин СКОРЯТИН,
специальный корреспондент
«Кругозора»

Краснодарский край

На фото А. Лидова
комсомольско-молодежное звено
колхоза «Красная звезда».

Слева направо:
Алексей Побединский,
Григорий Ус,
Виктор Засыпкин, Александр Антонов,
звеньевой Николай Буглов,
Станислав Третьяк, Петр Кубарев,
наставник молодежного звена
Иван Федосеевич Пантелеев,
Григорий Машенко.

ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ

Молодые голоса

Алла АХУНДОВА

Дождик-барабанщик
Спать мне не дает.
Милый мой, обманщик,
Писем мне не шлет.
Может, он, как дождик,
Барабанит сам,
Может, нужный гвоздик
Забивает там?
Обещал: прискачет
Только на коне,
Стыдно, мол, на кляче
Приезжать ко мне.
Может, он и плачет?
Очень может быть,
Что ему и клячи
Не на что купить!

Научиться бы твердости тихой!
Перенять и походку и статью,
И ступать, и глядеть журавлихой,
И высоко — к ненастью — летать.

Журавлиные вызнав дороги
На теплыни, полететь на тепло!
И упасть, распластав на пороге
Перебитое кем-то крыло.

Чтоб услышать, как странно и жутко
Ты меня перед смертью спросил:
«Ах, откуда ты, журунька, журка?
Кто тебя, журавля, подстрелил?»

Чтобы песне одной появиться,
Сколько гибло таких журавлей?
«Три косицы, четыре косицы,
Пять косиц ли на шее моей?»

Что мне снится?
Что мне снится!
Голос, голос, голос твой.
Солнца луч на половине
Поперечной полосой.
Дверь, открытая во двор.
Предзакатный птичий вздор.
Убегающая даль.
Небо. Дерево миндаль.
Бело-розовая чушь
Лепестков и наших слов.

Акварель весны
И тушь
Будущих об этом снов.

Я знаю, звезда... не любая —
Моя, если с неба схвачу.
И, может, она голубая,
А я голубой не хочу.

Из ямы пространства бездонной
В небесную вижу дыру,
Что я родилась на зеленой;
Что я на багровой умру.

И та, что я знаю зеленой,
Такой не бывает видна.
В орбите ее воспаленной
Звезда багровее вина.

Я знаю, судьба... не любая —
Моя, но какая — молчу.
И, может, она голубая,
А я к неизвестной лечу

Кутби
КИРОМ

СЧАСТЬЕ

1

Воскресный день...

Тетрадь стихов полна...
Я понял, что мы счастьем называем:
Друзей своих собрать вокруг стола
И напоить горячим чаем.
И в дверь стучат.

И все освещено
Улыбкою участия и братства.
В огромном этом мире у кого
Отыщется подобное богатство?

2

Благодарю, о братья и друзья,
Что есть на свете вы,

что счастье длится.
Всю жизнь, покада существую я,
Я памяти своей хочу молиться.
Сейчас, когда есть хлеб и доброта,
Все ж память дней голодных не забыла.
Пусть счастья мне не будет никогда,
Пока не счастливо друзьям, не мило.
Перевод с таджикского П. В е г и н а

Евгений НИКИТИН

ГАРМОНИСТ

Отсвистели военные пули.
Мне всего с небольшим семь лет.
И для наших девчат в Караулове
Я не парень, а шпингалет.
Не хватало ребят,
Хоть тут что ты.
Ни у нас, ни в деревнях окрест.
Все равно не входил я в расчеты
Даже самых невидных невест.
На штанах симметрично заплаты,
Стрижен наголо, ростом мал.
Не вздыхали по мне девушки
И, конечно, никто не страдал.
Если было чего хорошего,
Да и то не во мне, а со мной —
Это старенькая гармошка,
Мне оставленная войной.
Стал учиться нескладно, робко,
Подбирая мотив на слух.
Появилась в руках сноровка,
По деревне пронесся слух,
Мол, играет.

А вечером просят:

— Тетя Вер, отпусти жениха.
И иду я серебряной просекой.
Мать мне вслед только бросит:

— Нехай.

Я сажусь на бревна смолистые
И, серьезный не по годам,
Очень важно, как все гармонисты,
Пробегаю сперва по ладам.
И играю без остановки,
Начиная еще и еще.
За «страданием» идет «коробушка»
С ситцем, бархатом и парчой.
То девица выйдет «на реченьку»
Поглядеть, не идет ли дружок.
И танцует до боли в печени
Небольшой деревенский кружок.
И выходит на самом деле,
Всем, кто старше меня, не в пример —
На деревне я самый первый,
Обожаемый кавалер.
И теперь, когда слушаю джазы я
И их музыку, как огонь,
Вспоминаются явственно сразу же
Вечер, бревна, деревня, гармонь.
Провожают до дома стайкою.
— Тетя Вер, принимай жениха.
Эх, гармонь моя,
Хромка старенькая,
Разукрашенные меха!

Гордая мысль Скрябина ставила человеческий дух в центре мира, как солнце мира

Б. Асафьев

В кабинете Скрябина его московской квартиры-музея на рабочей конторке лежит фолиант под названием «Предварительное действие». Это музыкальные наброски последнего сочинения великого композитора. По свидетельству современников, работа над этим колоссальным размахом произведением (первоначальный замысел предполагал его исполнение на семь вечеров) шла полным ходом. Биограф Скрябина Л.Л. Сабанеев рассказывает в своих воспоминаниях, как автор играл ему большие, вполне законченные фрагменты, в частности начало.

Сабанеев: Это было нечто вроде стихийного бурного тремоло на каком-то фантастическом и очень сложном аккорде... А потом следовали фанфары ослепительного характера.

Увы! Ни этого, ни других законченных отрывков сочинения не осталось. И тем не менее 16 марта нынешнего года в Большом зале Московской консерватории состоялась премьера первой части дилогии Скрябина — Немтина «Предварительное действие». Вот что говорит об этом произведении его первый исполнитель, дирижер Кирилл Кондрашин.

Кондрашин: По музыке чувствуешь, что молодой композитор Александр Немтин отлично знает и любит творчество Скрябина, изучил его наизусть письма и оркестровки. Все компоненты произведения (оркестр, орган, хор и солирующее фортепиано) использованы по принципу последнего оркестрового сочинения Скрябина — «Прометея». Облегчило работу автора и то обстоятельство, что в ряде своих поздних фортепианных прелюдий Скрябин развил некоторые эскизы «Предварительного действия». Итак, задуманное одним композитором воссоздается другим.

Немтин: Я старался придерживаться замысла Скрябина. В эскизах

Александра Николаевича 55 нотных страниц. Одни заполнены частично, другие совсем пустые. Порой начало, продолжение и окончание одного куса находятся в разных местах. Собственно музыкальный материал этим и исчерпывается. Но был и другой материал — литературный. Это словесные описания Сабанеева и, самое главное, поэтический текст самого Скрябина к «Предварительному действию». Без него ничего бы нельзя было восстановить, поскольку чередование музыкальных фрагментов могло быть более или менее удачным, но любым. Текст же все ставил на свои места, подсказывая, где должны быть кульминации, где появляются типичные для позднего творчества Скрябина темы томления, воли... Наконец, третьей составляющей частью стала световая теория Скрябина, не только слышавшего, но и видевшего музыку. Шкала музыкальных и цветовых соответствий была им

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КЛАССИКЕ

НЕДОПИСАННЫЕ СТРАНИЦЫ

разработана и почти полностью совпадала с природным спектром. Закреплялись такие соотношения: цвет, настроение, свойственное данному цвету, а стало быть, и данной музыке. Это послужило прекрасной опорой в самых сложных и запутанных моментах при восстановлении «Действа».

Еще раз обратимся к свидетельству биографа Скрябина.

Сабанеев: Он мечтал о симфониях света и красок, о движущихся архитектурах из столбов, освещенных фимиамом, о симфониях ароматов и прикосновений, о линиях неведомого искусства, начинающихся в плане одного ощущения и заканчивающихся в ином, начинающихся мелодией звуков и заканчивающихся в жесте. Он мечтал о каких-то новых, неиспользованных ресурсах искусства, о шепотах и шумах в качестве слагающих художественного целого, о шествиях и танцах, о включении самой природы в акт священнодействия, о красках заката и восхода, о блеске звезд...

Немтин: Мне пришлось создать для себя несколько искусственную атмосферу. За полтора года работы я не только не писал своей музыки и старался не слушать никакой другой, а сам ежедневно играл фортепианные произведения Скрябина, слушал записи его симфонических сочинений и даже, чтобы почувствовать все это рукой, переписывал ноты некоторых поздних опусов. Все это очень помогло, особенно в фортепианной партии. Впрочем, работа не окончена. Вторая часть дилогии пока не восстановлена. На это уйдет еще около двух лет.

И только тогда можно будет сделать окончательные выводы об этом снелом и большом труде.

К. ПОРТУГАЛОВ

На шестой звуковой странице — фрагменты «Предварительного действия» и продолжение рассказа композитора А. Немтина.

Рассказывает
Ираклий
АНДРОНИКОВ
Фото
Л. Раскина

ВОЗВРАЩЕНИЕ К НЕВСКОМУ

5

ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ

Представьте себе студента-заочника индустриального института, который в качестве дипломной работы привез в Москву... проект новой конструкции самолета. Паротурбинного! Трансконтинентального!

Профессура вуза была весьма озадачена. Пришлось связаться с Наркомтяжпромом СССР. Крупный специалист, познакомившись с необычным дипломным проектом, согласился его отрецензировать. Защита прошла с блеском, и студент, несмотря на то, что ему недоставало нескольких пятерок и даже затесалась в натрикул одна тройка, получил диплом с отличием. За смелую идею и оригинальное решение.

История с самолетом продолжения не имела. Дело в том, что параллельно с учебой в заочном индустриальном молодой человек учился... на стационаре Архангельского медицинского института. Там у него тоже дела шли не так, как у всех: за один год он прошел два курса, что в медицине встречается крайне редко; будучи первокурсником, дерзнул создать проект искусственного сердца...

Обычно вопрос «кем быть?» задается после школы. Перед нашим молодым человеком проблема «инженер или врач?» стояла вплоть до завершения учебы в медицинском институте. После он получил диплом и был оставлен в ординатуре. Более того, его настолько увлекла хирургия, что, проучившись год, он решил уйти в больницу на практическую работу.

Вскоре — это случилось примерно за год до начала Великой Отечественной — в межрайонной больнице небольшого в то время городка Череповец молодой ординатор сделал свою первую операцию...

Сейчас, оглядываясь на жизненный путь выдающегося хирурга Николая Михайловича Амосова, кажется, не видишь в нем ничего сверхъестественного. Неудивительно, что со студенческих лет он параллельно занимается сложнейшими проблемами. Это слово «параллельно» будет сопутствовать ему всю жизнь: исследования в области легочной хирургии и операции на сердце, разработка теоретических проблем и внедрение их на практике. И никого не удивило, когда большое внимание в своих исследованиях Амосов начал отводить проблемам биологической кибернетики... Это свидетельство широты его интересов. И черта характера: не стоять на месте, пытаться уйти вперед, еще дальше — вот в чем закон каждодневной победы.

Но прежде всего Николай Михайлович, конечно же, врач, хирург. «Хирург — это не только врач. Это мастер. Как ювелир или слесарь-наладчик», — пишет Амосов. Недаром в народе и о хороших мастерах и о хорошем хирурге говорят: золотые руки. Сила большого хирурга, однако, не только в руках, в технике оперирования (это само собой разумеется), но и в глубине мышления, в умении находить новые пути, в способности молниеносно принимать единственно правильное решение, в мужественном характере, наконец.

ЗАКОН КАЖДОДНЕВНОЙ

Невский проспект:
памятник Кутузову
у Казанского собора,
одна из
скульптур
П. Клодта
на Анничковом
мосту.

Невский проспект — это понятие. Целый мир представлений. Великий памятник русской истории. Русской культуры. Архитектуры. Наша национальная гордость. Проспект, который в продолжении двух с лишним столетий был центром духовной жизни России.

...Вот в самые первые дни после победы Октябрьской революции еще по старой орфографии напечатанное:

«ВОЗВРАЩЕНИЕ

Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Граждане, старые хозяева ушли. После них осталось огромное наследство. Теперь оно принадлежит всему народу.

Граждане, берегите это наследство, берегите картины, статуи, здания — это воплощение духовной силы вашей и предков ваших.

Искусство — это то прекрасное, что талантливые люди умели создать даже под гнетом деспотизма и что свидетельствует о красоте, о силе человеческой души.

Граждане, не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания, ста-

рые вещи, документы — все это ваша история, ваша гордость. Помните, что все это почва, на которой вырастает наше новое народное искусство.

Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов».

И вот он стоит — воплощение духовной силы народа — великий Невский, — где сохранились даже памятники царям, если они являют собой создания искусства!..

Совместный труд зодчего, скульптора, каменщика, плотника, штукатура, лепщика, позолотчика, слиянно выразивших гений народа, — вот что сообщает Невскому проспекту такой строгий и стройный вид. А впереди, если двигаться к центру города, — путеводительный шпиль — Адмиралтейская игла, которую носил Пушкин: «И ясны спящие громады пустынных улиц, и светла Адмиралтейская игла».

Адмиралтейство заложил Петр Первый. Оно строилось по его собственноручному чертежу. И представляет собой вершину на Балтийском море русского перфекта и памятник морской славы России.

И внешность у него такая — профессиональная. «Хирург должен быть выносливым и тощим», — его собственные слова. Всегда подтянут, быстр в движениях. Во всем лаконичен — в словах, в жестах. Но Амосов не всегда суров и замкнут, на лице его часто можно прочесть иронически-лукавую улыбку, а уж если смеется, то так громко и заразительно, что сразу забывается его суровость. И вместе с тем во всем его облике ощущается внутренняя сосредоточенность. Не останавливаться на достигнутом!..

К. ГРИГОРЬЕВ

Фото Л. Шерстенникова

Мы сидим в киевской квартире Николая Михайловича Амосова. Половина десятого вечера. Другого времени для «нерабочих» дел у хозяина не существует. Я, признаться, была несколько встревожена предложением встретиться в такой час: день-то был операционный. Уже потом Николай Михайлович сказал мне, что хирург за одну даже не очень серьезную операцию теряет в весе до двух с половиной килограммов.

...Как-то на лекции его спросили: «Сколько же часов в сутки вы работаете?» «Сколько бывает нужно», — ответил Амосов. Я включаю магнитофон, и не удивительно, что первые слова хирурга-кардиолога: «Перезагрузайтесь!»

Е. ЧАКОВСКАЯ,
специальный корреспондент «Кругозора»

ПОБЕДЫ

Невский начинается здесь, возле Адмиралтейства.

Самое старинное здание на Невском — дворец богатей графов Строгановых. Строил его гениальный архитектор Бартоломео Растрелли, или, как его еще звали, Варфоломей Варфоломеевич. Он приехал в Россию мальчиком, прожил в Петербурге всю жизнь, в Петербурге и умер. Строгановский дворец — это середина XVIII века, стиль, называемый русским барокко. В начале 1790-х годов дворец частично перестроен великим архитектором Ворониным, который вышел из крепостных людей графа Строганова.

Но самое великое творение Воронина — Казанский собор. (Рассказ об этом уникальном памятнике русской архитектуры вы услышите на звуковой странице.)

С гостиницы дворец связан другая глава истории нашей культуры. Тут, в книжной лавке купца Зотова, продавалась книга Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Прочитав ее, Екатерина II сказала, что книга стремится произвести в народе негодование и на-

полнена оскорбительными выражениями противу сана и власти царской. Книгу истребили. Радищева приговорили к смертной казни, которую заменили Сибирью...

И еще одно великое имя навсегда связано с Невским — Пушкин.

Окончив Царскосельский лицей, Пушкин жил в Петербурге. В 1820 году его сослали на юг. И в Петербург он вернулся только через семь лет. Но часто уезжал, возвращался... (На звуковой странице вы услышите начало истории о жизни Пушкина в одном из домов Невского — гостинице Демута.)

В гостинице Демута у Пушкина собирались гости. Однажды сошлись поэты Жуковский, Крылов, Вяземский, московский поэт Хомяков, Адам Мицкевич. И просидели всю ночь. Мицкевич по-французски импровизировал и всех поразил. Вяземский записал: «Мы слушали его с трепетом и слезами». Через несколько лет Пушкин вспоминал встречу с Мицкевичем: «Он говорил о временах грядущих, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».

Весной 1828 года в Демутовом трактире в одно время с Пушкиным жил Александр Сергеевич Грибоедов, прибывший в Петербург из Персии с текстом Туркманчайского мирного договора. В этот период они виделись часто.

Но вскоре Грибоедов выехал из гостиницы и поселился напротив, в доме купцов Косиковских, на углу Невского и нынешней улицы Герцена. В 1862 году в этом доме открылся Шахматный клуб, членами которого состояли Чернышевский, Некрасов, Писарев, Помяловский... После ареста Чернышевского клуб был закрыт.

Тут на литературных вечерах много раз выступал Достоевский — читал главы из своих романов. И однажды отрывки из «Мертвых душ» Гоголя... Наконец, уже в советское время помещался знаменитый горьковский «Дом искусств».

...Как восторгался Гоголь Невским проспектом, такую чудесную картину написал. Но показал, сколь обманчивы были его прелести для тех, кто не имел ни таланта имени, ни чина заметного.

...Школа. Это слово неизбежно связывается у нас с детством, с ранней юностью. Но что, если по неразумению или по каким-то другим причинам вы бросили учение, пошли работать, в общем, выросли, так и не получив аттестата зрелости? Вы узнали радость самостоятельной жизни — кому сегодня хочется сидеть на шее родителей? — сами стали семейными людьми и даже родителями. И здесь-то вдруг опомнились или другие помогли вам понять: что-то не выполнено в обычной жизненной программе. Тогда на вашем горизонте неизбежно возникнет здание со скромной надписью «Школа рабочей молодежи».

Телевизионный фильм «Большая перемена» (режиссер А. Корнев, он же соавтор сценариста Г. Садовникова) и рассказывает о годах учения взрослых людей. В четырехсерийной ленте много героев и много событий. Это история любви, дружбы, взаимопомощи, это мир веселых перипетий, забавных и грустных происшествий, по поводу которых учителя говорят серьезно: «Большие дети — большие шалости», — а их взрослые ученики думают с досадой и обидой. И зрители вместе с молодым педагогом Нестором Петровичем (М. Кононов) понимают, как трудно преодолеть себя и сесть за парту или зубрить уроки дома и озорному Ганже (А. Збруев), и влюбленному Ляпишеву (В. Проскурин), и жадноватому на на-

МУЗЫКА ТЕЛЕЭКРАНА

за партой- взрослые

По просьбам
читателей

ни золота в кошельке. «О, не верьте этому Невскому проспекту, — восклицает Гоголь в конце своей повести. — Все обман, все мечта, все не то, чем кажется... Он лжет во всякое время, этот Невский проспект... чтобы показать все не в настоящем виде».

Вы, конечно, помните и другую повесть Гоголя, в которой по Невскому проспекту преспокойно разгуливает в мундире и в шляпе с плюмажем... нос коллежского асессора Ковалева. И Ковалев перед ним робел, растерян, потому что сам он только коллежский асессор, а его нос находится на верху иерархической лестницы: Нос — статский советник. Гоголь не договаривает: в империи, где о человеке судят по чину, может случиться всякое.

Как на хороши эти повести — еще более прославлена комедия Гоголя «Ревизор», в которой на посмеяние выставлена вся николаевская империя. Впервые «Ревизор» был сыгран на александринской сцене. Великое дело совершал этот театр, воспитывая русскую публику на пьесах

Пушкина, Грибоедова, Гоголя, а позже — Тургенева, Островского, Сухово-Кобылина, Льва Толстого, Чехова, Горького...

Замечательную статью об Александринском театре написал Виссарион Григорьевич Белинский. В ней говорится: «Кто хочет видеть Петербург только с его внешней стороны... тому... достанется только взглянуть на Александринский театр, который... составляет одно из замечательнейших украшений Невского проспекта. Но кто хочет узнать внутренний Петербург... тот непременно должен долго и постоянно посещать Александринский театр...»

С 1842 по 1846 год Белинский жил на Невском, угол Фонтанки, в доме купца Лопатина. В этом доме в квартире Белинского решились судьбы Некрасова, Достоевского.

Некрасов приехал в Петербург семнадцатилетним. Умирал с голоду. Писал на базарах письма за неграмотных, выпустил книжку стихов, которых потом стыдился. Писатель рецензий, блестящий об-

ратил внимание на них. Они познакомились. Подружились. Это были единомышленники. Но — казалось Белинскому — литературный талант Некрасова не представлял ничего особенного. Когда же Некрасов принес Белинскому стихотворение «В дороге», где рассказана судьба крепостной, Белинский воскликнул чуть ли не со слезами:

— Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный!

Эти слова решили судьбу Некрасова. Связан с этим домом еще один эпизод из истории русской литературы. Достоевский свой первый роман — «Бедные люди» прочел молодому в ту пору писателю Григоровичу. Григорович в восторге помчался к Некрасову. И вот в четыре часа утра раздается звонок, и Некрасов бросается обнимать Достоевского. Предлагает показать Белинскому, везет рукопись к нему. Тот в величайшем волнении требует к себе Достоевского. И как только Достоевский переступает его порог, Белинский спрашивает его в удивлении:

сулящие прямую выгоду траты времени Тимохину (С. Крамаров), и пожилому Ледневу (Е. Леонов) — однокласснику своей дочери (С. Крючкова)...

Музыка входит в фильм «Большая перемена» и как комментатор настроения героев и как стихия праздника. Композитор Эдуард Колмановский хорошо чувствует специфику работы на телевидении. Здесь нет места многим приемам, апробированным в кино, здесь должно быть как можно меньше условности, эффектов, нажима. Все это только помехи, встающие между зрителем и экранными действиями. Поэтому-то положение музыки так скромно. Мелодии, песни, танцевальные ритмы входят в жизнь героев так, как они входят в повседневную жизнь людей. И эти музыкальные минуты так ценны и так необходимы: поет ли серенады своему любимому учителю ученица, исполняют ли под гитару взрослые школьники шутиливую песенку «Золотые зайчики», танцуют ли традиционный вальс на вечере отдыха...

Как ни трудно работать и учиться, а все-таки прекрасно, когда ты молод, когда впереди большая и счастливая жизнь!

И. ШИЛОВА

На восьмой звуковой странице три песни на слова М. Танина из телефильма «Большая перемена»: «Рабочий класс», «Песня Нелли» (поет Светлана Крючкова) и «Золотые зайчики».

— Да понимаете ли вы, что это такое вы написали?!

Через тридцать лет Достоевский считал, что это была в его жизни самая восхитительная минута.

Как видите, дом важный для истории Невского, для истории русской литературы. И для истории нравов.

В доме втором от угла Невского в 1854 году, приехав из Севастополя, поселился Лев Николаевич Толстой. А в следующем жил Добролюбов. А второй дом от другого угла — в нем жил Никита Муравьев, декабрист...

Невский!.. Да разве всех назовешь! (Прежде чем продолжить путешествие по Невскому, прослушайте эту короткую страничку. А потом следуйте за рассказчиком.)

Итак, вы побывали в доме, где собиралась «могучая кучка». Познаем пропагандистом, истолкователем музыки «мучнистом», се реалистическое и национального направления был выдающийся критик и теоретик искусства Владимир Васильевич Стасов, 51 год проработавший в Публичной библиотеке.

Впрочем, я еще ничего не сказал о самой Публичной библиотеке. Об этом великом памятнике русской культуры. Это одна из величайших библиотек на земле. Тут собрано все от начала книгопечатания на Руси. Сколько трудов, сколько гениальных мыслей она хранит! И сколько рождает новых! Сколько связано с ней имен исторических! 28 лет прослужил здесь библиотекарем баснописец Иван Андреевич Крылов. И друг Пушкина — поэт Антон Дельвиг. Здесь занимались в читальных залах Чернышевский, Добролюбов, Мусоргский, Бородин, Лев Толстой, Максим Горький, Пирогов, Менделеев, Павлов, Плеханов.

Здесь занимался Ленин! В 1893 — 1895 годах целыми днями просиживал в Публичной библиотеке...

Пушкин о Петербурге сказал: «Город пышный, город бедный, дут неволя, стройный вид...» Стал потому, что знал: кроме Петербурга великой красоты и великой культуры, есть Петербург контрастов. И что когда под утро на Невском разбегается звать с балов-маскарадов,

то на Казанском мосту уже собирается крепостной люд, посланный на оброк в столицу. И тут можно было не только нанять человека, но и купить человека.

Еще сильнее подчеркивал это Некрасов: «Столица наша чудная, богата через край, житье в ней нищим трудное, миллионерам — рай».

С каждым годом девятнадцатого столетия все более резкими становились эти социальные контрасты и все более частыми выражения протеста.

В 1861 году начались студенческие волнения. Власти закрыли университет. Студенты ответили на это демонстрацией и вышли на Невский. В районе Владимирского проспекта к ним присоединился Николай Гаврилович Чернышевский...

В 1876 году на Невском перед Казанским собором состоялась первая рабочая демонстрация, которую руководил Плеханов. Поднявшись на паперть собора, он произнес страстную речь против самодержавия. Вспыхнули антивоенные, возмущались красное полотнище с надписью «Земля и Воля»...

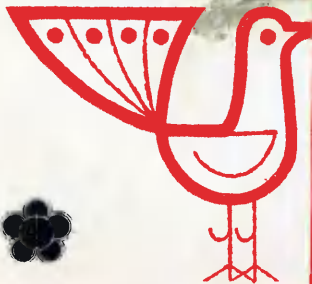
ПОДА
БЮОЛЬ-БЮОЛЬ
ОГАЙ!

По просьбам
читателей

ФОТО

Т. Соломаткиной

В 1897 году студенты провели демонстрацию перед Казанским собором в ответ на гибель в Петропавловской крепости 26-летней Марии Ветровой...

В 1901 году на Невский вышел около трех тысяч — рабочие и студенты, к которым присоединились тысячи тех, что шли в это время по Невскому. С этой демонстрацией шел Максим Горький. У Казанского собора из дворов окружающих зданий выехали конные казаки. Топтали людей лошадьми, били нагайками, били до потери сознания, до смерти. 43 литератора подписали тогда протест против этого избиения. В числе первых стояла подписью Максим Горький...

9 января 1905 года. С разных концов улицы пошли к Зимнему дворцу толпы. Десятки тысяч. Шли с жезлами, даже с детьми. Шли, чтобы подать прошение царю — просьбу отпустить невинно осужденных, усмирить армию.

Правительство Николая II приготовилось к встрече. На Дворцовую площадь на Невский были стянуты пехотные и гвардейские части. Когда толпа заполни-

ла площадь, грянули залпы, последовала кавалерийская атака... Из-под арки Главного штаба на Большую Морскую вышли две роты Семеновского полка и, отгеснив толпу на проспект, дали шесть залпов вдоль Невского. На Полицейском мосту расстреливали в упор.

Подбирая убитых и раненых, народ отступал все дальше. У Казанского собора, обороняясь, рабочие поставили поперек Невского скамейки, построили первую баррикаду. Горький видел эту расправу своими глазами и описал ее в очерке «9-е января» и в своей грандиозной эпике «Жизнь Клима Самгина».

Ленин писал по этому поводу: «...В сознании массы будет тот вывод, что на войне надо действовать по-военному... Призыв «К оружию!», раздавшийся в одной толпе рабочих на Невском 9 января, не может теперь пройти бесследно...»

24 октября 1917 года Ленин обращается к членам ЦК с письмом: «Яснее всего, что теперь, уже поистине, промышленные в восстании смерти поощряют...» 25 октября. Ленин из Смольного руко-

дит восстанием. Зимний дворец и площадь окружены революционными войсками. На Невском у Полицейского моста — подразделения Красной гвардии. У Казанского и у Строгановского дворцов — орудия. Под аркой Главного штаба и на Морской — полубатарея трехдюймовых орудий и броневики.

Раздается сигнальный выстрел с Петропавловской крепости. Начинает «Аврора». И — штурм! Непосредственно руководивший штурмом Пономовский писал: «Это был героический момент революции... прекрасный и незабываемый... Когда смолкли дикие завывания и грохот трехдюймовок и шестидюймовок с Петропавловской крепости, в воздухе, заглушая... непрерывную дробь пулеметов и винтовок, стояло сплошное победное «ура».

Да, решительно вся история русская, вся культура связана с Невским проспектом!

Это только отрывок из рассказа И. Антоненко о Невском. Весь рассказ вы увидите, когда выйдете телевизионный фильм «Восстание в Петербурге».

МОЯ ПРОФЕССИЯ — ПЕСНЯ

Молодые поклонники таланта Полада Бюль-Бюль оглы, возможно, не помнят другого замечательного певца Азербайджана. Отец Полада, народный артист СССР Бюль-Бюль, был основателем профессиональной вокальной школы республики, и до сих пор в народе его любовно называют «соловьем».

Получив первые уроки музыки дома, Полад, прежде чем стать композитором и певцом, прошел большую и долгую школу профессионального мастера. Музыкальная школа-десятилетка, потом композиторское отделение Азербайджанской консерватории. Полад учился у лауреата Ленинской премии Кара Караева. Один из лучших наших симфонистов, композитор широкого творческого диапазона, в сочинениях которого так органично сочетаются народные традиции с острым чувством современности, Кара Караев щедро раскрывал перед учеником тайны профессии и помог ему овладеть палитрой выразительных средств. И, наверное, не все знают, что Бюль-Бюль оглы написал несколько симфонических и камерных произведений.

И все-таки основное, на мой взгляд, в чем проявил себя молодой композитор, — это песни. Серьезные и лирические, героические и шуточные, они известны не только в Азербайджане. Им аплодировали на Кубе и в Венгрии, в Болгарии и Японии...

В песнях Полада Бюль-Бюль оглы броская мелодия, современные ритмы. Но в них всегда ощущается связь с родным азер-

байджанским мелосом, с замечательными традициями Тофика Кулиева и других мастеров советской азербайджанской песни.

Круг интересов молодого композитора велик. Он побывал с концертами во многих городах нашей Родины. Но, может быть, с особым энтузиазмом он выступал перед строителями Братска и Усть-Илима, Новосибирска и Ангарска. Он пишет для молодежи и старается всегда быть среди молодежи. И молодежи знает это, недаром комсомолцы Азербайджана оказали ему высокую честь, избрав членом Центрального Комитета комсомола республики, присудив ему премию комсомола Азербайджана. Не случайно песня П. Бюль-Бюль оглы «Юность» стала лауреатом Всесоюзного телевизионного конкурса зрителей «Песня-72».

Александра ПАХМУТОВА

Есть такой термин: «композиторское исполнение». В этом случае имеют в виду прежде всего яркость авторской интонации. От севшего за рояль или вышедшего к рампе с микрофоном автора обычно не ждут технического совершенства.

Полад Бюль-Бюль оглы — исключение из правила.

Он профессионал-композитор и профессионал-певец. В этом вы можете убедиться, прослушав десятую звуковую страницу. На ней — две песни Полада «Живые слова»

и «Скрыть любовь нельзя»

СПОРТИВНАЯ ДОБЛЕСТЬ

Наблюдая за выступлениями гимнасток с трибун или по телеэкрану, регулярно «доставляющему» на дом укрупненные фрагменты гимнастических педингов, мы порой свято верим, будто знаем о гимнастике все.

Специалисты говорят: «Гимнастика — это искусство, оцениваемое в баллах». У зрителя иные критерии. Школа эмоций кажется ему более подходящей в суждениях о мастерстве той или иной спортсменки.

Воспоминания о гимнастике озвучены музыкой. И вот я вновь слышу «Токкату» в вольных упражнениях Любови Бурды и думаю о гармонии, найденной и проверенной ею и ее юными подругами, победившими в Мюнхене. Думаю о спорте, доведенном до артистизма.

Еще недавно, лет десять назад (впрочем, как давно это было!), казалось, что не устоять спортивной гимнастике перед соблазном переметнуться на сторону артистической, почти балетной пластики, создания многозначительных образов. Хореография постепенно теснила спорт, и мы, радуясь мастерству Ларисы Латыниной, Полины Астаховой, Тамары Люхиной, довольно нерешительно брались за составление гороскопов будущего: а что потом?

А может, все именно тогда и начиналось? В том давнем декабре 64-го, вспоминая о котором, я вновь вижу слезы на глазах Ларисы Латыниной, стоящей на второй ступени пьедестала почета рядом с никому до той поры не известными гимнастками Ларисой Петрик и На-

Как-то еще в пору дебюта Латыниной на тренерском поприще спрашивал я ее, как видит она гимнастику со стороны? Она не ответила тогда — пожала плечами, улыбнулась... В самом деле, вряд ли возможно быть сторонним наблюдателем собственной жизни.

Она осталась в гимнастике. И сегодня, радуясь новым встречам с юными чемпионками, аплодируя их мастерству, мы как бы ощущаем соучастие Латыниной в каждом эпизоде динамичного сюжета, по законам которого выстраивается новейшая история отечественной спортивной гимнастики. Она всегда там — у края помоста, за кадром телевизионного экрана, за строкой газетного отчета — заслуженный мастер спорта, неоднократная чемпионка мира и Олимпийских игр, старший

 *гимнастика,
которая всегда с нами*

ташей Кучинской, пятнадцатилетними девочками, впервые победившими во всесоюзном турнире.

Помню и слова, сказанные Латыниной днем позже: «Для того чтобы выиграть, мне нужно было прибавить всего 0,15 балла. Или отнять пятнадцать лет... Рядом с этими девочками я чувствовала себя бабушкой советской гимнастики».

Время омолаживает гимнастику. И сегодня на большом помосте мы видим уже третье поколение спортсменок, неправдоподобно юных, но уже познавших вкус победы на крупнейших международных турнирах, ставших чемпионками Олимпиады.

Рядом с этими девочками, такими разными в своей одаренности и такими схожими в желании и умении побеждать, мы видим Ларису Латынину.

Вот Оля Корбут... Помните, как сорвалась она с брусьев в Мюнхене? Как плакала, подетски утирая глаза кулачком? Помните ее улыбку, когда порхала она над узкой полоской бревна, как бы шутя исполняя уникальный по трудности кульбит? И как весело подпрыгивала на верхней ступени пьедестала почета, получая золотую медаль — очередную, олимпийскую...

И Людмила Турищева — лидер нашей команды. Пышные банты в тугих косичках, голова гордо откинута назад. И звуки веселого марша из кинофильма «Цирк» — там, в Мюнхене. И все, кажется, легко и просто, хотя вольные ее упражнения рекордны по сложности включенных в них элементов...

И красивейший прыжок Эльвиры Саади...

На фото А. Бочинина и Ю. Моргулиса вы видите старшего тренера сборной СССР по гимнастике Ларису Латынину и нашу «золотую» шестерку — Ольгу Корбут, Людмилу Турищеву, Тамару Лазакович, Антонину Кошель, Любовь Бурду. Эльвиру Саади — во время выступления в Мюнхене. На четвертой звуковой странице, подготовленной специальным корреспондентом «Кругозора» Валентином Манионом, Лариса Латынина и ее воспитанницы помогут вам увидеть гимнастику как бы «изнутри», глазами тех, кто завоевывает нашей стране олимпийские награды.

тренер сборной команды СССР. И я не удивился, когда Людмила Турищева, обладательница всех самых почетных титулов в гимнастике, сказала, что именно Латынина была и остается для нее примером.

А ведь спортсменки нынешней сборной СССР — и Турищева, и Бурда, и Лазакович, и тем более Оля Корбут — пришли в гимнастику позже, пришли уже к тренеру Латыниной. Из разных городов — Грозного, Воронежа, Минска, Витебска, Тбилиси, Гродно, Ташкента; от разных наставников — Растороцкого и Кныша, Дмитриева и Хомутова, Бурджанидзе и Штукмана...

Теперь уже Латыниной выпало сидеть над эскизами к портрету советской сборной, создавать его в муках тренировок, в радостях первых побед, соединять воедино неповторимые черты каждой гимнастки.

И перелетающая с жерди на жердь Тамара Лазакович — только скрип брусьев, натертых магнезией...

И улыбка Нины Дроновой, подаренная нам кинематографистами в фильме «Спорт, спорт, спорт»...

Впрочем, вы все это, конечно же, помните. И многое другое тоже.

Потому что гимнастика никогда не оставляет равнодушным.

Потому что улыбки этих девочек не позволяют вам увидеть семь потов тренировок, которые остаются там, за границами всеобщей радости, какая бывает от предвкушения новых встреч, новых побед, новых счастливых знакомств.

Потому что гимнастика всегда с нами...

Александр МАРЬЯМОВ,
спортивный обозреватель

КОММЕНТАРИЙ К РОЛЯМ АРТИСТА

Иногда ей пишут так: «Москва. Тете Паше». И письмо доходит.

Она — это тетка Анисья из фильма «Живет такой парень». Это Екатерина Тимофеевна из фильма «Женщины».

Это тетя Паша из многосерийного телевизионного спектакля «День за днем».

Работники почты — тоже телезрители, и они поняли, кто сейчас, после премьеры «День за днем», самая главная Тетя Паша. Тетя Паша, или народная артистка РСФСР Нина Афанасьевна Сазонова, которую многие хотят видеть, слышать, с которой хотят говорить...

А Нина Афанасьевна выходит на эстраду, часто самодельную, если она в цеху завода или в шахте метро (на фото вверху справа), выходит и прежде всего... слушает зал. Да, слушает. Наверное, поэтому ей нелегко ответить на вопрос корреспондента, о чем она говорила, говорит или будет говорить — вчера, сегодня, завтра — со своими зрителями.

О чем? Это зависит от того, кто сидит перед ней...

Зато почти всегда, начиная вспоминать о выступлении, Нина Афанасьевна может сказать о тех, кто сидел в зале. Она не всегда помнит их фамилии, но имена, но встречи с ними...

С а з о н о в а: Я встретила с Валею и ее подружками в Павлово-Посаде. Выступала у них на ткацкой фабрике. Потом они пригласили меня домой. Вхожу, а они встречают меня песней: «Расцвела под окошком белоснежная

9 ТЕТЯ ПАША

вишня, из-за тучи далекой показалась луна. Все подружки по парам в тишине разбрелись, только я в этот вечер засиделась одна...» Нас было шестеро женщин за столом. Мы долго говорили и пели. Валя поехала меня провожать до Москвы. И я учила дорогой песню. А утром Валя по телефону проверила, правильно ли я записала слова. И это было не в первый раз, когда не я зритель, а они мне дали песню.

Другая встреча Нины Афанасьевны со зрителями. Она произошла в одном из колхозов под Воронежем.

С а з о н о в а: Со мной были пленки фильма «Живет такой парень». Там есть сцена сватовства тетки Анисьи. Я замечала, что в зале во время этой сцены обычно смеются, а потом наступает тишина. Это и понятно. Мимо прошло сердечное счастье. Два молодых человека пытаются соединить свою судьбу... Погас экран, вышла я в зал и вдруг вижу, встает маленькая старушка и говорит так разочарованно: «Так ты ж актриса? А я все думала — наша баба выступает. Так ли все скажет, как надо, волновалась...»

В воспоминаниях Нины Афанасьевны от этой поездки осталась еще и герань, масса герани, которую принесли ей на прощание жители села, принесли, собрав со своих подоконников: стояла зима.

А вот еще одна — летняя встреча. Она произошла неожиданно...

Фото А. Лидова

Сазонова: Наш театр был на гастролях в Новосибирске. Мы давали спектакль в Доме офицеров. Зашли, конечно, и в музей боевой славы при этом Доме. И вижу вдруг, на стене висит фотографии, любительская. И под ней надписи: «1941 год, концерт артистов в... сибирской дивизии. Имена артистов неизвестны. Кто узнает, просим сообщить». Я не сразу справилась с собой от волнения. Это была наша фронтовая артистическая бригада. Мы с Тосей Романовой пели тогда дуэтом (на фото сверху слева) и плясали. Сеня Великов нам аккомпанировал на баяне. Тося погибла на войне. Ну, я, конечно, рассказала все это здесь же, в музее. И меня попросили поехать в одну из частей, к сыновьям тех, кто воевал тогда, в 41-м, под Москвой. Что я могла им сказать? Мне трудно было говорить. Я сказала: «Я вижу перед собой ваших отцов». Они все встали... Я очень много пела. Пела и то, что мы исполняли когда-то с Тосей их отцам.

Вместе с другими артистами театра Советской Армии юная Нина Сазонова выступала на фронте все годы войны. И вот еще одно имя и две встречи.

Сазонова: Мы встретили Павло Гудзя, 27-летнего танкиста, под Москвой в страшное время — в декабре 1941 года. Наша бригада переехала на санях из одной воинской части в другую. Собрались бойцы. Было холодно, но мы все-таки решили выступать в белых кофточках, в ярких сарафанах. А после концерта Павло Гудзя сказал,

СЛУШАЕТ ЗАЛ

что он тоже хочет подарить нам песню. Свою любимую — «Махорочку». И спел. Да как! Она и сейчас звучит в спектакле нашего театра «Барабанища»... И вот недавно — два-три года назад — звонят мне из Центрального Дома работников искусства. Приглашают выступить на встрече в честь Дня Победы. Приезжаю, сажусь в зале и вдруг слышу, объявляют: «Выступает участник Великой Отечественной войны, профессор, доктор наук Павел Данилович Гудзь». И выходит наш Павло и начинает рассказывать о выступлении нашем на передовой в обстреливаемом сарае. Ну, я не выдержала, бросилась на сцену. «Нина!» «Павло!» И спели мы вместе «Махорочку». А дальше выступление не состоялось, потому что Павло заявил: «Все, товарищи, сейчас я Нину забирю с собой».

Зрители в своих письмах не спрашивают Нину Афанасьевну, как стать актрисой. Нет... Они говорят с ней о жизни, обращаются к ней прежде всего как к человеку, как к своей — «своей приехала». Хотят, чтобы приехала. У Нины Афанасьевны много, очень много встреч со зрителями, но все приглашения принять невозможно. И все-таки сейчас с помощью пластинки такая встреча состояться может. И на этот раз Нина Афанасьевна придет не в зал. Она придет в семью. В одну из тех, где ее ждут. Придет со своими песнями-монологами, без которых не обходится ни одна ее роль на сцене.

Наталья РОСТОВЦЕВА

ПО ПРОСЬБАМ ЧИТАТЕЛЕЙ

Амстердам с полным основанием называют «Северной Венецией». Каналы тут не менее

МАЛЕНЬКИЙ ПОЮЩИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

живописны и так же определяют планировку и своеобразное лицо города, так же оживлены нескончаемым потоком лодок, яхт, голосистых буксирчиков и битком набитых туристских трамвайчиков. И песни звучат не реже, чем в Венеции. Правда, песни несколько иного склада — веселые, шуточные.

Есть здесь и свой Робертино Лоретти, популярный не менее итальянского, — Хейн Симонс. Очень распространенное в Голландии имя любовно переделано в Хейнтге, и под ним он с девяти лет неизменно успешно концертировал и на родине и в Бельгии, Англии, ФРГ. И всюду, если верить газетным репортажам, полиции приходилось буквально охранять маленького певца от восторженной публики.

Когда коренастый парнишка с приветливым, веснущатым ли-

цом появляется на эстраде, на него обрушивается поток симпатий и доброжелательства. Когда же Хейнтге поет песни о любимой маме, большинство женщин не в силах сдержаться слез...

В последний год выступления Хейнтге почти прекратились: у него ломается голос, или, как говорят голландцы, «растет борода в глотке». Но, по прогнозам специалистов, он будет продолжать петь. Мальчик заметно подрос, и если раньше репортеры с умилением общались о его детских забавах — он любил доить коз на отцовской ферме и кататься верхом на пони, — то теперь Хейнтге не на шутку занялся конным спортом.

В Голландии Хейнтге — обладатель рекордного числа золотых и платиновых пластинок. Это обстоятельство, кстати, так же как и сама популярность Хейнтге, подчас рождает в иных слушателях чувства, далекие от восторга меломанов.

Газетные полосы не раз пестрели анонсами: «Отец Хейнтге обнаружил письмо с угрозой убить его сына», «Неизвестный на ферме Симонсов похищает золотые пластинки Хейнтге»... и так далее. Шантаж, вымогательства, кражи — неизменные спутники жизни тех, кто добился успеха на экране и эстраде Запада. Неизменные и, видимо, необходимые. Ибо, по утверждению тех же газет, печальные инциденты только способствовали популярности певца и росту тиража его дисков.

Тем более нетерпеливым стало ожидание поклонников услышать «нового» Хейнтге, или, вернее, взрослого Хейна Симонса. А пока в домах звучит мальчишеский голосок, который и вы услышите на одиннадцатой звуковой странице.

Е. ЧАЙКА
Гаага.

слушайте

6

номере

7(112) июль 1973 г.
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964.

1. **Перед Вторым съездом.** Воспоминания ветерана партии П. И. Кулябко.
2. **Моя земля.** Рассказ молодого кубанского механизатора Станислава Третьяка.
3. **Хирург Н. М. Аносов:** «Перегрузайтесь!»
4. **Говорят гимнастки Олимпийской сборной СССР.**
5. **Ираклий Андроников** о Невском проспекте.
6. **Воссозданный Скрябин.** Комментирует композитор А. Немтин.
7. **Песни Ганса Эйслера.**
8. Музыка телеэкрана: «Большая перемена».
9. **Поет Нина Сазонова:** «Стою на полустаночке» (И. Катаев, М. Анчаров), «Ты скажи, подруга» (Е. Птичкин, М. Агашина).
10. **Композитор и певец Полад Бюль-Бюль оглы:** «Живые слова», «Скрыть любовь нельзя».
11. **Маленький голландец Хейнтье:** «День рождения мамы», «Расскажи мне» и «Сон».
12. **Роберта Флак (США):** «Впервые, когда я увидела твое лицо» и «Черные ангелочки».

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным Домом
радиовещания и звукозаписи.

© **ИЗДАТЕЛЬ:**
**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ**
1973 г.

На первой странице
обложки:
**В мире профессий.
Художник.**
Рисунок Т. Г н и с ю к.

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Г. Луцкий
Техн. редактор
Л. Е. Петрова

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Сдано в набор
28 V 1973 г.
Б04513. Подп. к печ.
12 VI 1973 г.
Формат 60x84 1/12
Усл. п. л. 1,24
Уч.-изд. л. 2,03
Тираж 450 000 экз.
Зак. 691. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865, Москва, ГСП
А-47, ул. «Правды», 24.

Телефоны редакции:
263-23-16, 263-24-40
Пишите нам по адресу:
**Москва, 113326,
Пятницкая, 25,
«Кругозор».**

ИЗ ПЕСЕННОЙ ЛЕТОПИСИ РАБОЧЕГО КЛАССА

Этот человек знал силу нот и мечтал о том,
чтобы немецкие рабочие могли читать их. И тогда,
он надеялся, рабочие сказали бы:
«А парня мы этого ведь знаем, он кое-что сделал».

Композитор Ганс Эйслер хорошо узнал
трудовой люд в окопах первой мировой войны,
где солдаты делились с ним своими песнями. Именно этот
важнейший для музыканта жизненный опыт,
на который наслонилась потом учеба в Вене у Шёнберга,
привел его к преподавательству в рабочих
певческих союзах. Именно отсюда берут начало
песни Эйслера и его бег «задыхающегося от скорости
вестника, который что-то еще должен
сделать и передать...». И он делал, и передавал,
и бежал дальше — музыкальный вестник великих
антифашистских битв на полях Европы.

Эйслер пронес факел революционера
сквозь тяжелые годы эмиграции и, вернувшись вскоре
после победы на свою, уже социалистическую,
родину — ГДР, создал ее гимн.
Мы публикуем фрагменты очерка о Гансе Эйслере,
написанного поэтом Сергеем Третьяковым после посещения
Германии в 1931 году
и вошедшего в его книгу о выдающихся антифашистах
«Люди одного костра».

Эйслер позвал меня в гости. Проспекты Берлин-Вестен сме-
нились узкими и кривыми, подобно московской Малой Бронной,
улицами старого Берлина. Вход в квартиру Эйслера был с ули-
цы заперт. Спутник стал свистать на мотив «Красного Веддин-
га», досвистывая до Эйслерова четвертого этажа весть о
себе...

Мы вошли в очень теплую и очень тесную комнату.

Ганс Эйслер листал ноты на пиюнтре пнянно и хвалил Баха.
Он в нем искал союзника в борьбе за хор, который должна ис-
полнять вся аудитория, в противовес сегодняшнему членению
концерта на исполнительскую эстраду и пассивно слушающий
зал.

Публицистичность Эйслера не только в тексте. Музыка его
не только аккомпанемент. Она звучащая оплеуха буржуазно-
му канону сентиментального романса, наивной песенки, чван-
ного марша, ибо жизнь уродливо искривлена и бессмысленно
загнута мордой к хвосту.

Работая над песней, Эйслер встречается и срабатывается с
поэтом-драматургом Б. Брехтом, чья концепция политического
театра совпадает с устремлениями Эйслера и чья ироническая
позция переключается с приверженностью Эйслера к музыкаль-
ному парадоксу.

Эйслер садится за пиюнтре. Он играет «Марш костылей». Ми-
норный и грозный, как, впрочем, минорны почти все его ком-

позиции: «С дороги! С дороги! С дороги! Мы — гвардия калек! У нас были руки и ноги, война их отгрызла навеки».

Большая голова, совсем розовая, нависла над клавиатурой. Он шлепает по клавишам ладонями своих маленьких рук, как младенец шлепает по воде ванны. Он не педалирует, он топчет ногою педаль, словно это гадюка. Он громко сопит в такт маршу. Голос его хрипл и яростен. Накал марша калек подымается: «Эй, хозяева, мы — ваши гости! Нас не ждали, но мы пришли. Вы нам завинтили в кости прекрасные костыли. Вы сказали: протезы проще какой-то руки и ноги. Вы сказали: слепые на ощупь читают не хуже других...»

В соседней комнате тикают аккуратные часы, и опрятная квартирохозяйка вносит и ставит на низкий плетеный столик гри чашки кофе. Поверхность кофе трясется, ибо Эйслер марширует с инвалидами все дальше и дальше: «Не беда! Пусть последнюю ногу оторвет заводским колесом. Но до вашей хозяйской глотки мы свою питерню донесем».

Эйслер подымается от пианино. Он задыхается. Он как из ванны. Жирен блеск его розовеющей головы. Он рассказывает о том, как трудно работать в одном из самых закоряченных углов культурного движения германского пролетариата — в хоровых кружках. Эйслер — вожак песенной оппозиции.

Песня Эйслера, как первый бегущий огонек грядущего пожара, вспыхивает то в комнате, то в уличном марше, то в прогулочной компании, то в школьном классе. Я видел сам на берлинской улице 1931 года, как в процессию ребятишек допioneerского возраста ворвался увесистый полицейский в зеленой форме и пенсне. Он бил детишек по щекам руками в белых перчатках, рвал им уши. За что? За Эйслеровскую песню.

Путь этой песни в массу был пелегкок. Пока Эйслер выступал как композитор-модернист, пусть даже очень экстравагантный, его издавали. Пока революция ограничивалась революцией формы, песни были терпимы. Их не только терпели, но слушали, причем не только пожимая плечами, но и отдавая должное большому таланту и темпераменту. Но как только композиция приобрела политическую окраску и установку, разговор переменялся. Буржуазного слушателя сменил буржуазный «глушитель».

Эйслер написал хоры про безработных, «Об убийстве», «О крестьянской революции». В одном из хоров есть строка: «Сажайте красных петухов на крыши монастырей».

«шереңги смыкайте!»

С нашей страной Ганс Эйслер был связан сердцем всегда, с момента, когда, раненный, услышал в австрийском госпитале обращение пролетариата России, начинавшееся со слов Ленина:

«Всем, Всем...» Он был убежден, что «с Октябрьской революции началась новая глава в жизни человечества, а стало быть, новая глава в истории музыкального искусства». В свой последний к нам приезд он вместе с Шостаковичем занимал место в жюри композиторского конкурса на VI Всемирном фестивале молодежи. Он говорил тогда, что фестиваль «провозглашает нечто большее, нежели сосуществование. — нерушимую дружбу народов, радость жизни и творчества, братскую любовь и доверие...».

Вы прочтете эти строки шестнадцатилетней давности в тот момент, когда на родине Эйслера, над улицами и площадями фестивального Берлина, фанфары пропоят начало нового, X Всемирного молодежного слета.

Юноши и девушки всех континентов, развернув свои знамена, поднимут и звучащий флаг — песню. И в ней — старой и новой, разноязыкой, многоголосой — ясно послышится звенящая нота боевой музыки Ганса Эйслера, которая знакома нам с детства своим призывом: «Заводы, вставайте! Шеренги смыкайте!..»

Последовала резолюция — запретить...

Эйслер написал музыку для хоров пьесы Брехта «Мать». Но хоры говорят: «Когда владельцы откомандуют, начнут говорить подвластные. ...Побежденный сей один — повелевателем будет завтра. А из «никогда» родится «ныне».

Следовательно, запретить.

Фашисты обложили этим «запретить» всего Эйслера целиком. Ноты его песен полетели в костер.

Их изъяли из хоровых обществ и библиотек. Там же, где мелодия нельзя было выгравить из памяти, им подсовывали новые слова.

Граммофонные пластинки, на которых было имя Эйслера или Буша, разбились.

Эйслер в эмиграции.

Тут особенно стало заметно, какой это неукротимый, настойчивый, неунывающий боец и агитатор.

Ни на секунду не раскисает. Творит, не выпуская врага из прицела...

Сегодняшние участники страны-исполнители тех песен Эйслера стали частичками победы и культуры борьбы.

Эти девушки и ребята из популярнейшей молодежной певческой группы ГДР «Октябрь-клуб», названной так в память Октябрьской революции, несли дальше эстафету боевых песен Эйслера. «Октябрь-клуб» — участник фестиваля.

РОБЕРТА ФЛАК

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ
США

12

Четыре года тому назад имя Роберты Флак знали лишь очень немногие американцы. Сегодня она, бесспорно, самая популярная в Соединенных Штатах эстрадно-джазовая певица.

На западной эстраде нередко случаются мгновенных всплеск новых «звезд», но при всей своей яркости они чаще всего лишь ненадолго озаряют музыкальный небосвод. Только единицам дано не угасать долгие годы.

Есть основания полагать, что именно такой будет судьба Роберты Флак.

В ней поражает все. Удивительный по красоте голос, умеющий передавать тончайшие оттенки чувств и с одинаковой легкостью справляющийся как с эстрадными, так и с народными песнями и классическим репертуаром. Безупречный вкус и отточенное мастерство — сочетание, позволяющее певице трактовать песню по-своему, не искажая ее существа. Наконец, великолепный пианизм — качество, которое имеет первостепенное значение.

Вспомним: в отличие от европейской музыкальной традиции американские негры увидели в инструментах «продолжение» собственного голоса. Отсюда и родилась новая исполнительская манера, новое звучание — джазовое. Пел ли Армстронг, играл ли на трубе — с точки зрения интонации, фразировки это было одно и то же: труба была его вторым голосом.

Флак-пианистка — сердце и нерв того состава, который аккомпанирует Флак-певице. Как певица, она ведет за собой состав, возглавляемый пианисткой Флак. В этом слиянии — часть тайны ее обаяния.

На звуковой странице вы услышите две песни в исполнении Роберты Флак. Одна из них — «Впервые, когда я увидела твою лицо» — о любви. Перед исполнением второй песни певица обычно произносит фразу: «Художники, почему вы изображаете всегда белых дев и белых ангелочков». И содержание песни продолжает эту мысль: «Помни, художник, если у тебя есть душа и сердце, что душа и сердце есть и у твоих черных сестер».

Владимир ПОЗНЕР

Цена 1 руб.